

33

ЭНГЕЛЬС — ЭЛИЗЕ ЭНГЕЛЬС
В ЭНГЕЛЬСКИРХЕН

Манчестер, 20 апреля 1859 г.

Дорогая мама!

Наконец-то мне удалось урвать время, чтобы в более или менее спокойной обстановке написать тебе. Оба твои милые письма я получил и очень рад, что всем вам живется хорошо и что дети Бланков благополучно перенесли корь. Я чувствую себя очень хорошо. Коренные зубы у меня, правда, постепенно разрушаются, но без особой боли, а в общем я совершенно здоров. Аппетит и пищеварение у меня превосходны, а от старых болезней не осталось ни малейшего следа.

Итак, маленький Делиус в конце концов не мог все же обойтись без того, чтобы не выказать вам своей брадфордской натуры. Я-то думал, что он будет вести себя несколько более осторожно, но так как он, по-видимому, начал заниматься мелкими пакостями, то я только открою тебе одну истину: в Брадф орде ложь носится в воздухе, и брадфордец совершенно не способен постоянно говорить правду. Так как этот малый живет вместе с Вильгельмом Куттером, величайшим лгуном, какой только существует под солнцем, то он, по-видимому, мало-помалу усвоил себе ту же самую добродетель. Если бы брадфордец сказал мне, что дважды два — четыре, то я сейчас же стал бы сомневаться в правильности таблицы умножения. Я говорю это тебе заранее, чтобы ты не относилась слишком сурово к этому малому, — ведь все брадфордцы таковы: они лгут, как по-писаному. История с лошадью основывается на том, что я просто сказал владельцу, что если он решит продать лошадь дешевле 120 фунтов, то пусть *уведомит* меня. Больше ничего. Отсюда до покупки еще очень далеко. Если бы он теперь предложил мне эту лошадь за 120 фунтов, то я бы еще призадумался, давать ли за нее и 100 фунтов; для меня она несколько легка, а за эти деньги я могу получить очень хорошую и сильную охотничью лошадь. Что касается истории с прыжком в лавку, то все это не так страшно. Любая горячая лошадь, простоявшая неделю совсем или почти без дела, обязательно будет выкидывать всякие удивительные штуки под управлением среднего наездника, и сломают ли они себе оба при этом шею или нет — это зависит только от случая. Но под моим управлением ни одной лошади не удастся так легко прыгнуть в лавку, если я этого не захочу. В этом ты можешь быть спокойна.

Другая история — с Карлом Зибелем — целиком выдумана. Он вовсе не ведет беспорядочной жизни, а, наоборот, почти все вечера проводит дома, почти никуда не ходит и почти ни с кем не водит знакомств. Я думаю, в Манчестере не найдется и 20 молодых людей его возраста, которые вели бы столь солидный образ жизни. Правда, в первые дни он пару раз выпивал лишнюю рюмку, выкидывая всякие забавные штуки, свойственные молодежи, но так как он бывал со мной и еще несколькими знакомыми и видел, что в этих ребяческих выходках мы не находим ничего интересного, то он прекратил их. Он вообще еще полуребенок, ужасно незрелый и беспомощный в самых простых вещах. Со временем это пройдет. Все мы, барменцы, по-видимому, только очень поздно становимся взрослыми. Когда мне было 23 года, я был, вероятно, таким же повесой. Во всяком случае, его родители, должно быть, как-то нелепо подошли к нему, раз они не могли с ним справиться, — ведь он имеет ту очень хорошую черту, что сознает свои слабости; он вовсе не упрям, а, наоборот, легко поддается убеждению. В его пользу меня располагает то, что, несмотря на многочисленные похвалы, которыми осыпают его стихи, он все же в глубине души сознает, что это совершенно незрелые, необработанные и поверхностные произведения; этот славный малый был мне очень благодарен, когда я в довольно юмористической, но вполне ясной форме разъяснил ему это. После того как он преподнес мне все свои бессмертные произведения, я ему прямо заявил, что хотя в них и чувствуется талант, но талант очень запущенный, и что все его вещи, как произведения искусства, ничего не стоят. В Берлине юноша, должно быть, действительно очень распустился и рисковал окончательно скатиться к ординарнейшей беллетристической литературе. Поэтому, когда я его вижу, я регулярно отчитываю его за это, говоря, что он должен на некоторое время бросить стихоплетство и основательно изучить классических поэтов всех народов, чтобы сперва выработать себе вкус, — сейчас он у него очень неразборчивый, — и научиться немецкому языку, которого он все еще не знает. Если он это сделает, из него еще может выйти вполне приличный малый. Во всяком случае, его родители должны бы иметь достаточно здравого смысла, чтобы наладить с ним благоразумные, приемлемые для него отношения или позаботиться о том, чтобы он постепенно нашел средства и возможность обеспечить себе здесь или еще где-либо самостоятельное существование на торговом поприще. Юноша знает, что своим сочинительством он всегда сможет заработать себе на жизнь, и если его любезный папаша недостаточно умен и тактичен для того, чтобы

обращаться с ним, как со взрослым человеком, то пусть пеняет на себя, если малому в конце концов надоест все это и он целиком отдастся сочинительству и при этом наверняка *окончательно пошибнет*. Старик Зибель, наверное, воображает, что я вбиваю в голову его сына всевозможные безумства, но он может быть спокоен: все мое влияние на него я использую для того, чтобы удержать его от чрезмерного увлечения сочинительством (ведь малый еще не созрел для этого) и убедить его, что нет ничего более жалкого, чем существовать на доход от беллетристического сочинительства. Я внушаю ему, что чем скорее он освоится со своей прозаической буржуазной профессией, тем лучше (потому что он в сущности не любит учиться, а без этого он потеряет всякую устойчивость и совершенно испортится). Если он это сделает и приобретет несколько больше житейского опыта, перестав быть таким беспомощным, то я не сомневаюсь, что из него выйдет вполне порядочный малый, который и в литературной области сможет дать кое-что ценное. Я очень люблю мальчика, — у него доброе сердце, он лишен самомнения, очень искренен и прям. Я встречаюсь с ним обычно раза два в неделю.

А я и не знал, что Э. Бланк находится в Лондоне. Я надеюсь, что на этих днях он приедет сюда, — он ведь уже несколько месяцев тому назад обещал мне это. При всех обстоятельствах — будет ли война или нет — не отказывайся от поездки сюда этим летом. Я твердо рассчитываю на твой приезд. Ты же знаешь, что мы поедем этим летом в Шотландию, и ты можешь пока что снова просмотреть своего Вальтера Скотта, чтобы лучше знать эти места.

Но пора кончать, ведь уже 7 часов, а мне еще надо написать несколько деловых писем. Я хотел было написать еще несколько строк отцу, но абсолютно не в состоянии этого сделать, тем более, что я должен приготовить для него еще некоторые выписки. Так что я напишу ему при первой возможности — в ближайшие два или три дня.

Передай сердечный привет отцу, всем братьям и сестрам и их семействам.

Искренне любящий
твой сын *Фридрих*

Не рассказывай, конечно, г-же Зибель во всех подробностях того, что я писал тебе относительно Карла.

Поздравляю тебя от всего сердца с днем твоего рождения и надеюсь, что еще много, много раз буду поздравлять тебя с ним.